

3. Bulgakov, S. N. Khristianskaya sotsiologiya [Christian sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 1993, no. 10, pp. 120–149.
4. Zwahlen, R. Sputniki po raznym putyam: Nikolay Berdyayev i Sergey Bulgakov [Satellites along different paths: Nikolai Berdyayev and Sergey Bulgakov]. *Issledovaniya po istorii russkoy mysl. Yezhegodnik 9 (2008/2009)* [Studies on the history of Russian thought. Yearbook 9 (2008/2009)]. Moscow, Regnum Publ., 2012, pp. 334–424.
5. Breckner, K. Russian Philosophers on Continuous Creation as the Basis for Social Change. *Studies in East European Thought*, 2006, vol. 58, no. 4, pp. 171–197.
6. Breckner, K. Universalismus als Abteilungs grund fur christliche Ethik. Kursorischer Ausblick auf Partikularismus zu lassende Konzeptionen am Beispiel Solov'evs, Bulgakovs, Berdjajevs und Franks [Universalism as a departmental foundation for Christian ethics. Cursory outlook on particularism to be conceived using Solov'evs, Bulgakovs, Berdjajevs and Franks as examples]. *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie* [The normative image of man in Russian philosophy]. Berlin, LIT Verlag Dr. W. Hopf, 2011, pp. 43–53.
7. Vallière, P. *Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox theology in a new key*. Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 2000. p.322.
8. Zwahlen, R. Die trinitarische Konzeption der Person bei Nikolaj Berdjajev und Sergej Bulgakov [The Trinitarian conception of the person in Nikolaj Berdjajev and Sergej Bulgakov]. *Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie (= SYNEIDOS. Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte, Bd. 2)* [The normative image of man in Russian philosophy (= SYNEIDOS. German-Russian studies on philosophy and history of ideas, vol. 2)]. A. Haardt, N. Plotnikov (Hgs.). Munster: LIT, 2011. pp. 53-60.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-161-166

ОЦЕНКА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Н. М. КАРАМЗИНА В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ¹⁶

Чижков Николай Сергеевич, младший научный сотрудник
Институт философии РАН
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
E-mail: nik.fall@gmail.com

Дана оценка представителями русской эмиграции культурного наследия Н. М. Карамзина и его места в формировании «науки о России». Приводятся аргументы сторонников и противников его реформы русского языка. Прослеживается мировоззренческая связь Карамзина с философскими идеями эпохи Просвещения, в основе которых лежат ценности свободы, права и всеобщего просвещения. Исследуются оценки концепции самодержавия Карамзина разными политическими направлениями в среде русской эмиграции, их оценки спора Карамзина и Сперанского по ключевым вопросам путей развития России. Рассмотрены оценки русской эмиграцией противоречивых взглядов Карамзина на крепостное право и перспективы его отмены. Показано, что приверженность исследователей разным идейным лагерям в среде русской эмиграции не позволила увидеть целостную картину мировоззрения Карамзина, понять, что он писал во времена, когда основные идейные течения ещё доктринально не сформировались. Поэтому упреки в его адрес по поводу политической непоследовательности, смешении идей либерализма и консерватизма, несостоятельности. Политические и идейные пристрастия авторов подчас не позволяли увидеть многие важные идеи Карамзина. Так, в частности, осталась незамеченной концепция Карамзина о преходящем характере самодержавия и неизбежном переходе всех народов к республиканской форме правления.

Ключевые слова: Карамзин, самодержавие, деспотизм, русская эмиграция, просвещение, рационалистическая философия, свобода, закон, право, нравственность

ASSESSMENT OF THE CULTURAL HERITAGE OF N. M. KARAMZIN IN THE RUSSIAN EMIGRE LITERATURE

Chizhkov Nikolay S., Junior Researcher
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Gonchamaya St., Moscow, 109240, Russian Federation
E-mail: nik.fall@gmail.com

This article analyzes the views of the Russian emigrants on the cultural heritage of N. M. Karamzin and his place in the formation of "science about Russia." In the beginning are given arguments of supporters and opponents about his reform of the Russian language. The worldview of Karamzin is traced with the philosophical ideas of the Enlighten-

¹⁶ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-11-93002 «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества». (The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-11-93002 "Cultural and philosophical foundations of Chinese-Russian cooperation".)

ment, which are based on the values of freedom, law and education. The author evaluates the concept of the monarchy of Karamzin in different political directions among the Russian emigrants and explores an assessment which is given by them about the dispute between Karamzin and Speransky on key issues of the development of Russia. The article also discusses the assessments of the Russian emigrants regarding to the contradictory views of Karamzin on serfdom and the prospects for its abolition. In the article we show that the commitment of researchers to different ideological camps among the Russian emigrants did not allow them to see the complete picture of Karamzin's worldview and understand what he wrote at the time when the main ideological currents were not doctrinally formed. And also we show that the reproaches addressed to him about political inconsistency and about the confusion of ideas of liberalism and conservatism, are not substantial. The political and ideological preferences of the authors sometimes did not allow them to see many important ideas of Karamzin. So, in particular, Karamzin's concept of the transient nature of monarchy and the inevitable transition of all peoples to a republican form of government remained unnoticed.

Keywords: Karamzin, autocracy, despotism, Russian emigration, education, rationalistic philosophy, freedom, law, rights, morality

Юбилейные даты, связанные с Карамзиным, всегда широко отмечались в России, однако столетие со дня смерти историографа в Советской России прошло почти незамеченным. После революции он был занесён в списки идеологических противников новой власти, а вся критика в отношении Карамзина сводилась к тому, что он был защитником монархии, противником революционных движений и «выразителем дворянской идеологии конца XVIII в.» [1, с. 107]. Такая трактовка мировоззрения Карамзина продолжалась в СССР вплоть до середины XX в.

По-другому обстояло дело в эмигрантских кругах, где это памятное событие широко отмечалось. Эмигрантская литература, содержащая анализ философских, социально-исторических и политических идей Карамзина, дала высокую оценку его наследию и его роли в формировании «науки о России». Изучение Карамзина в эмигрантских кругах было много богаче и содержательней, чем его критика со стороны официальных советских идеологов, и это понятно, если учесть те чувства, которые испытывала эмиграция по поводу трагедии, произошедшей с Россией. Но в среде русской эмиграции были исследователи, которые достаточно критично оценивали наследие Карамзина.

Представителей русской эмиграции, изучавших наследие Карамзина, условно можно разделить на два лагеря: сторонников [2–6] и противников [7; 8]. Если сторонники Карамзина в большинстве своём не имели чётко выраженной политической окраски, его противники в основном придерживались социалистических или радикально-либеральных позиций. Сторонники считали, что Карамзин был великим «национальным деятелем» [3, с. 31], а его идеи, основанные на осмыслении исторического опыта России, национальных традиций и ценностей эпохи Просвещения, всегда будут оставаться актуальными. С их точки зрения, он попытался понять судьбу России через её историю, а также «раскрыть и определить внутренний смысл существования России» [2, с. 10] и наметить основные пути её развития. Для них Карамзин всегда оставался «столпом национальной культуры», в работах которого содержатся также важные и полезные идеи и оценки переломных этапов развития государства.

Противники Карамзина строили свою критику в первую очередь на неприятии методологии его исследований. По мнению А. А. Кизеветтера, рационалистическая философия эпохи Просвещения не имела «единого стержня», а в конце XVIII в. и вовсе устарела, потеряв научную значимость. Основываясь на этих утверждениях, противники Карамзина доказывали, что его мировоззрение, все его нововведения ещё при жизни историографа потеряли свою актуальность, безвозвратно устарели, «превратившись в архаизмы» [7, с. 124].

Но те и другие признавали вклад Карамзина в развитие отечественной культуры, только с той разницей, что одни считали, что нам ещё много чему можно научиться у нашего великого историографа, а другие, что все его идеи принадлежат к старому миру, который ушёл в прошлое, и не имеют ничего общего с настоящим. Те и другие сходились в оценке личности Карамзина, ценили его человеческие качества – «благородную искренность» [7, с. 131], «прекраснодушие» [2, с. 10] «прямоту, честность, скромность, бескорыстие и беззаветную любовь к России» [6, с. 14], но в то же время расходились в оценке его литературной деятельности.

П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер идейно продолжают критику Карамзина, которая велась ещё до революции радикально настроенными литературоведами, такими как Н. Н. Булич [9] и А. Н. Пыпин [10]. В силу своей не столько литературоведческой, сколько политической позиции, а также того, что Карамзин «не принадлежал к либеральным кругам» [6, с. 12], они относили его к представителям «охранительной мысли», [6, с. 13]. Поэтому, полагает Н. К. Кульман, они всеми силами «стремились унижить» [6, с. 13] литературные и просвещенческие за-

слуги Карамзина, а там где у них это не получалось «оценку сопровождали различными оговорками, торопливыми “но”» [6, с. 13]. Это хорошо видно в работе А. А. Кизеветтера «Карамзин» [7], где он, говоря о реформе русского языка Карамзина, признаёт «его новаторство» [7, с. 126] в том, что он избавил русский литературный язык от сложных «церковно-славянских архаизмов», добавил в него «вновь изобретённые слова» [7, с. 123] и показал, что русский язык входит в состав «европейской умственной культуры» [7, с. 123]. Но «его новаторство» было «обращено не к будущему, а к настоящему, начинающему уже уходить в прошлое» [7, с. 126]. Карамзин унаследовал «омертвелую грудку искусственной литературной риторики» [7, с. 126] М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, тогда как «из среды шишковистов [7, с. 126] ... выделилось течение, которое через голову Карамзина и его последователей протягивало руку к гораздо более смелым перспективам дальнейшего будущего» [7, с. 124]. Кизеветтер считает, что «раздробленность души» и «двуликость» [7, с. 123] Карамзина, желание соединить старое и новое помешали ему ввести в русский язык действительно значимые изменения, а те, что он ввёл, сами быстро превратились в «архаизмы» [7, с. 124].

Если Кизеветтер настаивает на том, что реформа Карамзина не имела особой значимости, то сторонники историографа считали её настоящим прорывом в русской словесности. Карамзин будучи «настоящим русским человеком и патриотом» [6, с. 12] своей литературной деятельностью способствовал укреплению уважения всего российского общества к просвещению. Ведь «недаром молодое литературное поколение с Жуковским во главе, включая и юношу Пушкина, объединились вокруг имени Карамзина для защиты своих новых путей» [6, с. 22]. Вот как охарактеризовал А. С. Пушкин литературные нововведения М. В. Ломоносова: «в Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым» [11, с. 385]. В свою очередь, благодаря Карамзину, русский язык стал много богаче и по сей день мы используем изобретённые им слова¹⁷ и выражения¹⁸, которые так и не превратились в архаизмы.

Ещё более отчётливо видны расхождения во взглядах среди сторонников и противников Карамзина, когда они обращаются к его политическим и социально-историческим идеям. Радикально настроенные исследователи считали его родоначальником охранительной идеологии, ретроградом-самобытником, сторонником крепостничества и неограниченного самодержавия. Исследователи более умеренных взглядов видели в нём человека, открывшего России глаза на её собственный путь, признававшего известную уникальность её судьбы и видевшего в радикализме и неуёмном реформаторстве главное несчастье России.

Карамзин действительно был сторонником неограниченной монархии, и именно это не позволяло, по мнению Кульмана, «либеральным кругам» принимать и положительно оценивать политические и социально-исторические взгляды Карамзина. Им проще и безопасней было записать Карамзина в ряды «охранителей», чем понять глубинный смысл его идей, которые не противоречили истинным либеральным ценностям. Защищая историческое значение самодержавия, Карамзин считал, что оно должно быть построено на идеях и ценностях эпохи Просвещения, таких как «свобода слова, печати» [6, с. 15], равенстве всех перед законом, «уважении к личности и благу других» [3, с. 31]. Для него самодержавие должно было быть «не в виде азиатского деспотизма, а в виде просвещённого абсолютизма» [6, с. 15], где «не подданные существуют для монархов, но монархи для подданных» [6, с. 15]. Для Карамзина самодержавие является гарантом безопасного и стабильного развития страны, так как государство Российское «обладало “могуществом и благоденствием” при единодержавии и делалось жертвою внутренних смут и нападений, даже завоеваний, внешних врагов во времена его разрушения» [3, с. 33]. Именно самодержавие смогло объединить воевавшие между собой «русские земли в могущественное царство» [3, с. 34] и «поставить Россию на такую высоту среди других государств мира, что её граждане получили полную безопасность от них и полное признание своих гражданских прав ими, когда они с ними соприкасались» [3, с. 34]. Поэтому Карамзин считал, что пока в России не будут созданы условия для всеобщего просвещения,

¹⁷ Влияние, переворот, промышленность, человечный, начитанность и др.

¹⁸ Трогательный оттенок, потребность души, развитие характера и др.

только самодержавие сможет «исправить несовершенства гражданских обществ» [3, с. 33] и создать такие законы, которые будут понятны всем гражданам страны и исполняться ими, в том числе и монархом.

В этой связи интересно проанализировать взгляды представителей русской эмиграции на противостояние Н. М. Карамзина и М. М. Сперанского. Они оба считали, что закон должен стать основой «жизни и блага Государства Российского» [3, с. 37], но их подходы к достижению этой цели серьёзно различались. Если Карамзин выступал за то, чтобы реформы носили национальные черты, а закон должен быть «выводом из исторической жизни России» [3, с. 37] и вырасти «органически» [3, с. 37] из «реальных потребностей русского народа и его исторического государства» [3, с. 37], то Сперанский стремился «преобразовать русскую монархию на европейский лад» [7, с. 156]. Именно против этого выступал Карамзин, считая такого рода реформы вредными для Российского государства и общества, так как они обладают «большой теоретичностью» и ничего общего не имеют с российской действительностью, а являются «лишь плодом заимствований от других народов и простою пересадкою в Россию теоретических положений западноевропейской политической мысли» [3, с. 37]. Именно за это критиковала Карамзина «радикально-либеральная» общественность, считавшая, что Сперанский своими реформами «математически ясно доказал, что самодержавие и свобода несовместимы и что надо сделать выбор» [7, с. 131], поэтому они были против концепции Карамзина, в которой основное место отводилось самодержавию, так как они считали невозможным «ввести в России правомерную свободу под сению самодержавия» [7, с. 131]. Они считали, что в идеях Карамзина было «много оптимизма на сахарной воде» [7, с. 133], а все его политические и социально-исторические идеи «утопичными». Отсюда вытекает и их несогласие с Карамзиным относительно крестьянского вопроса, который, по их мнению, уже на тот момент требовал радикальных решений, а Карамзин всеми силами мешал освобождению крестьян.

Несмотря на то, что многие видели в Карамзине защитника крепостничества, «он вовсе не был врагом освобождения крестьян, он лишь считал, что только тогда свобода может оказаться благодетельной для крестьян, когда ей будет сопутствовать просвещение, иначе воля [крестьян] обратится “в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства”» [6, с. 18]. Кроме того Карамзин считал, что крестьян необходимо освобождать с землёй, чтобы у них было дело, а иначе это грозит «величайшими бедствиями и крестьянству и государству вообще» [6, с. 18]. Н. К. Кульман считает, что в этом вопросе на Карамзина серьёзное влияние оказал Ж.-Ж. Руссо, который в своих трудах писал, что к освобождению крестьян необходимо подходить с «предосторожностями» [6, с. 18], а главную задачу видел в том, чтобы крестьян «сделать достойными свободы и способными ею пользоваться» [6, с. 19]. Единственный путь, который мог привести крепостных к освобождению без серьёзных потрясений для государства и общества, Карамзин видел в создании сельских школ: «Вот почему он приветствовал заведение сельских школ и стремился возвысить в глазах общества народного учителя» [6, с. 18]. Карамзин опасался, что освобождение необразованных и безграмотных крестьян, которые не получили должных базовых навыков для самостоятельной жизни обернётся страшной трагедией для России и ввергнет нашу страну в кровопролитную революцию, где свобода преследовать свои интересы для одних, обернётся несвободой для всех.

В данной статье мы постарались показать различные позиции представителей русской эмиграции на культурное, политическое и социально-историческое наследие Карамзина, условно разделив их на два лагеря. Все они признавали связь Карамзина с философской мыслью эпохи Просвещения, но одни видели в этом положительные стороны и считали, что Карамзин, взяв за основу идеи и ценности эпохи Просвещения, переосмыслил их для нашей культурной среды и попытался выработать бесконфликтный способ их применения во благо России. Тем самым Карамзин создал «науку о России», в основе которой лежали ценности свободы, права и всеобщего просвещения.

Другие же представители русской эмиграции, будучи идейными противниками рационалистической философии эпохи Просвещения, в первую очередь выступали против методологии, которую Карамзин применял в своих работах, поэтому они не желали понять глубинный смысл его идей. Признавая вклад Карамзина в развитие русской культуры, они считали, что его мировоззрение основано на порядках старого, «архаичного» мира, где нет места свободе и праву, а его идеи не имеют ничего общего с действительностью и безвозвратно устарели.

Интересно отметить, что ни сторонники, ни противники Карамзина не обратили внимания на тот факт, что историограф в своих работах предполагал переходящий характер самодержавия. Карамзин считал, что исторический процесс развития всех народов рано или поздно приведёт их к республиканской форме правления. Самодержавие выполняет в истории важную функцию, но в то же время самодержавие исторически преходяще. Оно нужно, считает Карамзин, до тех пор, пока люди живут лишь борьбой за свои частные интересы, пока они не осознали себя в качестве личности и в то же время как часть нации, пока не только личный интерес, но и нравственный закон не стал реальным мотивом их поведения. Именно к этому их готовит самодержавие, именно в этом он видит его историческую задачу. Отсюда и столь значительное место, которое Карамзин отводит в своих исследованиях анализу нравственности монархов.

Есть ещё один важный момент, который был упущен в анализируемой нами полемике. Карамзин не часто поднимал проблему разрушения империй, которое ему представлялось неизбежным событием. Империи, как и всё в этом мире, не вечны, вечны только разум и души человеческие. Карамзин в связи с этим задавался вопросом, чем должна быть империя, что она должна делать в мире, в котором всё не вечно, ради вечности, ради вечной жизни? Ответ на него он нашёл в истории человечества. В качестве примера Карамзин приводит Римскую империю, которая, по его мнению, будет существовать вечно, если не в реальной жизни, то в умах людей, и Могольскую империю, чья участь – неизбежное забвение. В чём же заключается разница между ними для историографа? По Карамзину «империя должна содействовать раскрытию великих способностей души человеческой» [12, с. 324], если империя этого не делает, то она обрекает себя на забвение будущими поколениями. Поэтому вечно, «среди гробов и тления» [12, с. 324], смогут жить только те империи, которые «питали душу самого отдалённого потомства вечными красотами своих творений» [12, с. 323–324] и способствовали развитию «наук» и «искусств», а не те, которые «только убивали» [12, с. 323] и «единственно изумляли нас грозным колосом силы» [12, с. 324].

Есть ещё одно важное условие для вечной жизни империй в умах и сердцах людей. По Карамзину, это эволюционный, а не революционный путь развития, основанный на бесконфликтной передаче накопленных знаний от поколения к поколению. Революция, по Карамзину, неизбежно будет отвергать те идеи и ценности, которые лежали в основании свергнутого режима, забывая достижения предыдущих поколений. Примером тому для Карамзина служила Французская революция, свидетелем которой он стал во время своего путешествия по Европе (1789–1790). Эволюционный путь развития, единственно приемлемый для Карамзина, возможен только путём всеобщего просвещения и возвышения нравственности людей. Если монархия этого не делает, то революция становится неизбежной. Поэтому для Карамзина основной шаг на этом этапе, который должна осуществить монархия, чтобы навсегда остаться в истории, – это создание полноценной системы общеобразовательных школ, где люди могли бы научиться базовым знаниям и навыкам, позволяющим им жить своим умом и самосовершенствоваться. Именно образование, по Карамзину, способствует развитию внутренней свободы человека и помогает ему отличать добро от зла. Идея свободного и независимого разума была ключевой идеей Просвещения, которая, как мы видим, легла в основу философско-исторической концепции Карамзина.

Безусловно, сторонники и противники историографа, находившиеся в эмиграции, внесли важный вклад в исследование культурного наследия Карамзина, благодаря которому сегодня мы можем лучше понять те идеи и принципы, на которых строилось его мировоззрение. Этого, к сожалению, мы не можем сказать относительно советских исследователей первой половины XX в. Линию имманентного анализа в Советской России уже продолжили во второй половине XX в. и связана она с именами таких выдающихся отечественных исследователей, как Ю. М. Лотман, Н. Я. Эйдельман и В. Э. Вацура.

Список литературы

1. История СССР. С древнейших времен до конца XVIII в. / ред. Б. Д. Греков, В. И. Лебедев, С. В. Бахрушин. – Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 792 с.
2. Амфитеатров-Кадашев, В. А. О Карамзине / В. А. Амфитеатров-Кадашев // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 9–11.
3. Лаппо, И. И. Н. М. Карамзин и его государственные идеи / И. И. Лаппо // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 30–38.

4. Лозинский, Г. Л. Карамзин в Париже / Г. Л. Лозинский // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 25–29.
5. Тыркова-Вильямс, А. В. Твёрдый Карамзин / А. В. Тыркова-Вильямс // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 48–63.
6. Кульман, Н. К. Н. М. Карамзин / Н. К. Кульман // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 11–24.
7. Кизеветтер, А. А. Карамзин / А. А. Кизеветтер // Подвиг честного человека. – Москва : Жизнь и мысль, 2010. – С. 121–134.
8. Миллюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. – Санкт-Петербург : Издание М. В. Аверьянова, 1913. – 347 с.
9. Булич, Н. Н. Биографический очерк Н. М. Карамзина и развитие его литературной деятельности / Н. Н. Булич. – Казань : Университетская тип., 1866.
10. Пыпин, А. Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 588 с.
11. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Государственное изд-во художественной лит-ры, 1962. – Т. 6. – 590 с.
12. Карамзин, Н. М. Речь, произнесённая на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года / Н. М. Карамзин // Полное собрание сочинений. – Москва : Terra, 2009. – Т. 17. – С. 317–324.

References

1. *Istoriya SSSR. S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.* [History of the USSR. Since the most ancient times until the end of the 18th century]. Ed. by B. D. Grekov, V. I. Lebedev, S. V. Bakhrushin. Moscow, State Socio-Economic Publishing House, 1939, 792 p.
2. Amfiteatrov-Kadashev, V. A. O Karamzine [About Karamzin]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 9–11.
3. Lappo, I. I. N. M. Karamzin i ego gosudarstvennye idei [Karamzin and his state ideas]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 30–38.
4. Lozinskiy, G. L. Karamzin v Parizhe [Karamzin in Paris]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 25–29.
5. Tyrkova-Vilyams, A. V. Tverdyy Karamzin [Firm Karamzin]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 48–63.
6. Kulman, N. K. N. M. Karamzin [N. M. Karamzin]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 11–24.
7. Kizevetter, A. A. Karamzin [Karamzin]. *Podvig chestnogo cheloveka* [Feat of the honest person]. Moscow, Zhizn i mysl Publ., 2010, pp. 121–134.
8. Miljukov, P.N. *Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli* [Main currents of the Russian historical thought]. St. Petersburg, Publ. M. V. Averyanova, 1913, 347 p.
9. Bulich, N. N. *Biograficheskiy ocherk N. M. Karamzina i razvitie ego literaturnoy deyatel'nosti* [Biographic sketch of N.M. Karamzin and development of his literary activity]. Kazan, University typography, 1866.
10. Pypin, A. N. *Istoricheskie ocherki. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Historical sketches. Social movement in Russia at Alexander I]. St. Petersburg, Typography of M. M. Stasyulevich, 1900, 588 p.
11. Pushkin, A. S. *Sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, State Publishing House of Literature, 1962, vol. 6, 590 p.
12. Karamzin, N. M. *Rech, proiznesennaya na torzhestvennom sobranii Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii 5 dekabrya 1818 goda* [The speech delivered at a solemn meeting of Imperial Russian Academy on December 5, 1818]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full collected works]. Moscow, Terra Publ., 2009, vol. 17, pp. 317–324.